

Евгений
ЛОБАЧЕВ

Андрей
СИЛЕНГИНСКИЙ

КРЕПОСТЬ ТЕЛЬЦОВ

Евгений Лобачев
Андрей Силенгинский
КРЕПОСТЬ ТЕЛЬЦОВ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19021320
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Два лучших друга оказываются по разные стороны баррикад. И винить в этом стоит не капризных богов, а самих себя, слишком глубоко заглянувших в собственные души. Причем выяснять отношения бывшим друзьям придется не при помощи кулаков или мечей, а встав во главе мощнейших армий, которые когда-либо знал мир Зодиака. Последний оплот в этой войне – небольшая крепость на границе Земли гордых и упрямых тельцов. Если телец встал плечом к плечу со скорпионом, значит, мир действительно рушится...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	21
Глава третья	38
Глава четвертая	47
Глава пятая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Евгений Лобачев, Андрей Силенгинский КРЕПОСТЬ ТЕЛЬЦОВ

Глава первая

Скваманда, столица Земли скорпионов. Накануне открытия Арисской ярмарки.

В этот дополуденный час, когда самые стойкие из ночных гуляк уже разбрелись по домам, а время для нового застолья еще не наступило, «Веселая таверна» ничем не оправдывала свое название. В просторном зале лишь маленький столик в дальнем углу был занят, там неспешно цедил вино тщедушный юноша с добродушным до идиотизма лицом.

Молодая служанка терла щеткой и без того чистый пол со старательностью работника, за которым наблюдает хозяин. Сам хозяин, разменявший пятую дюжину Фрам по прозвищу Горелый, за стойкой придирчиво выискивал несуществующие пылинки. Голову его как обычно покрывал белоснежный кусок ткани, пряча от посторонних глаз безобразные шрамы. Говорили, что Фрам не снимает платок даже ночью.

Аккуратность была страстью Фрама, намертво въевшейся

в характер с раннего детства. В пору бурной юности он никогда не создавал беспорядка в обнесенных им домах, скрупулезно оставляя не приглянувшиеся вещи строго на своих местах. По совершенно непонятной причине именно эта особенность злила обворованных хозяев больше всего.

Человек, приехавший в столицу впервые, ни за что бы не поверил, что именно эта чистая, светлая и уютная таверна является сердцем преступного братства не только Скваманды, но и всей Земли скорпионов. Местные же жители – из числа законопослушных – обходили «Веселую таверну» стороной. Вовсе не из-за опасности для жизни или кошелька – Фрам при помощи парочки расторопных громил не допускал в своем заведении больше безобразий, чем это положено в любой уважающей себя таверне. Все дело в ценах. Случайный посетитель, узнав стоимость заказа, обычно покидал это негостеприимное пристанище, изумленно качая головой и нередко отпуская в адрес хозяина не самые лицеприятные замечания и пожелания. Фрама это ничуть не трогало, а посетитель навсегда забывал дорогу в «Веселую таверну».

Однако люди, жившие трудами несправедливыми, платили установленные цены весело и с удовольствием – когда в кармане водились дзанги. Если же с дзангами было туго (а никому не везет все время, не так ли?), имелся один простой способ не остаться голодным и трезвым. Достаточно было положить руку на стол, скрестив средний и указательный пальцы и подняв большой кверху. Этот простой и понятный в опре-

деленных кругах знак предназначался для Фрама и позволял получить не только кусок мяса и жбан пива, но и добрый совет, который, как известно, стоит гораздо дороже. Конечно, бывают советы пустые, не стоящие и корки хлеба, но это не относилось к советам хозяина «Веселой таверны».

Каждый знал, если ты на мели, поделись своей проблемой с Фрамом и можешь считать, что половина проблемы растаяла, как сугроб под весенним солнцем. Он всегда подскажет, где в данный момент ты сможешь наилучшим образом проявить свои таланты. Информация стекалась к нему со всех двенадцати Земель Зодиака. Каким образом? Этого точно не знал никто. И, положа руку на сердце, не находилось и желающих узнать. Ибо жизнь излишне любопытных зачастую даже короче, чем слишком глупых или жадных.

И этой информацией Фрам делился щедро и совершенно бескорыстно – но только с теми, кому она действительно была нужна. Расчет предельно простой. Будучи рачительным хозяином, Горелый был кровно заинтересован, чтобы клиент чаще платил за свой ужин, чем получал его бесплатно. Схема вполне себя оправдывала, судя по крепким дубовым столам, достаточному количеству свечей в бронзовых подсвечниках и действительно неплохой кухне в таверне. Ходили слухи, что повар Фрама раньше работал у двоюродного брата Сына Скорпиона. Горелый знал, что это не так, но слухи не опровергал.

Сейчас Фрам с удовольствием наблюдал за работой слу-

жанки. И ее старательность была не единственной и даже не главной причиной этого удовольствия. Прищулив по обыкновению глаза, Фрам переводил взгляд с крепких и широких бедер на высокую грудь. И снова возвращался к бедрам. Увлечшись работой, девушка не заметила, как туника задралась, явив на обозрение совершенно дивную картину. Очень умело не заметила, усмехнулся про себя Горелый. Девчонка новенькая и, пожалуй, знает, как можно закрепиться на рабочем месте, а то и выбить небольшую прибавку к жалованию.

Скоро придет время, философски размышлял Фрам, и он будет способен получать наслаждение только от кружки теплого сладкого вина перед сном и тазика с горячей водой под ногами. Но пока... Фрам направился, было, из-за стойки в зал, чтобы недвусмысленно выразить служанке свою благодарность за добросовестно выполненную работу. И вдруг остановился как вкопанный. Несмотря на годами отточенный контроль над эмоциями, лицо его выразило немалое изумление. Еще бы. Сам начальник сквамандской Стражи, господин Рикатс собственной нахальной персоной почтил присутствием его скромное заведение. В полной форме, но без оружия. Впрочем, бронзовые наручи вполне могут его заменить. А рука у этого толстого ублюдка и так тяжелая, Фрам это знал. Не по своему опыту, хвала Скорпиону, но знал.

Долго теряться Горелый себе не позволил. Немножко

удивления на лице оставил, только сверху припудрил лъсти-
вой восторженностью. Из-за стойки вышел, но на служанку,
испуганно забившуюся в угол, теперь даже не смотрел. Ста-
рательно растянул лицо в улыбке, отвесив низкий поклон:

– Достопочтенный господин Рикатс! Как мне выразить
благодарность, которую я...

– Для начала выпрямись, потом рожу попроще сделай, –
мимоходом посоветовал Рикатс, проходя мимо хозяина та-
верны.

Сел он за самый ближний к стойке стол. Снял шлем, по-
ставил рядом на скамью. Ленивыми, неторопливыми движе-
ниями отер ладонью пот со лба и затылка. Не глядя в сторо-
ну все еще согнутого пополам Фрама, буркнул:

– Вина... Хотя нет, – усмехнулся каким-то своим мыслям
и поправился. – Пива неси. Два кувшина.

– Всенепременно! – не убирая улыбки, заверил Горелый
и щелкнул пальцами в сторону служанки. – Слышала? Два
кувшина лучшего пива и закуску для особых гостей.

Девчонка с ошалелыми глазами умчалась на кухню, едва
не опрокинув по дороге стол. Сидящий в углу посетитель ви-
но пить перестал и взирает на происходящее с поистине дет-
ским любопытством. На лице ясно читалось благоговение.
Очевидно, он возносил хвалу всем двенадцати богам за то,
что имел счастье воочию лицезреть столь великого человека.

– Что-нибудь еще, господин Рикатс? – осведомился Фрам.

– Ага. Сюда садись. – Начальник Стражи указал пальцем

указал на место напротив себя.

– Никак не смею, господин Рикатс. – Горелый сокрушенно покачал головой. – С позволения сказать, недостойн.

Перебор, подумал Фрам. Заигрался. Однако Рикатсу, по всей видимости, до его ерничества никакого дела не было. Не меняя выражения лица, он сказал:

– Как хочешь. Тогда здесь стой.

Раскрасневшаяся не то от испуга, не то от быстрой беготни служанка принесла серебряный поднос с двумя бронзовыми кувшинами. И когда успела перелить, усмехнулся про себя Рикатс. Дрожащими руками, но очень ловко и быстро расставила перед ним тарелочки с сыром, рыбой и острым копченым мясом, аромат которого, вступив в короткую, но ожесточенную схватку с сырным, одержал полную и безоговорочную победу. Рикатс взирал за ее манипуляциями благосклонно, а потом проводил удаляющуюся девушку одобрительным взглядом.

После чего взвесил на руке ближний к себе кувшин, поднес к губам и ополовинил за раз, проигнорировав стоящую перед ним керамическую кружку. Вытер тыльной стороной ладони губы, поводил пальцами над тарелками с закуской и остановил выбор на мелко нарезанной красной рыбе, отправив в рот сразу три кусочка.

И только прожевав, впервые остановил взгляд на хозяине таверны.

– Мне нужна помощь, Фрам.

Если бы Горелый в этот момент держал что-нибудь в руках, непременно выронил бы. Во второй раз за столь короткий промежуток времени ему не удалось скрыть изумления.

– Горячего принести? – неубедительно сказал он, пытаясь собраться с мыслями.

Начальник Стражи сделал еще один, на этот раз небольшой, глоток пива и усмехнулся.

– Горячего? Посмотрим, может быть, позже. Но помощь мне нужна от тебя, Горелый, обычная.

И Рикатс нарочито медленно, словно двигаясь под водой, поместил правую руку на стол, заложил указательный палец за средний и поднял большой.

Фрам ничего не понимал.

– Господин желает бесплатно покушать?

Его игра теперь выглядела нелепо и бездарно, и, самое главное, он отлично это понимал. Но сделать ничего не мог и что надо делать – не знал. Лихорадочно размышлял, стоит ли сказать в лицо этому мерзавцу все, что вертелось на языке. Никак не мог сообразить, на что же тот рассчитывает, прося помощи в «Веселой таверне». А еще боролся с собственным любопытством. Какая же помощь от воровского люда потребовалась главе сквамандской Стражи, за последнее время ставшего фактически правой рукой Сына Скорпиона?

А лицо Рикатса выглядело абсолютно безмятежным. Он явно наслаждался отменным пивом, не забывая отдать долж-

ное всем без исключения закуским. Первый кувшин, судя по всему, опустел.

– Что ты, Горелый. Я вполне в состоянии заплатить за еду. И не только за еду, кстати. Ну так как? Готов помочь?

С лица Фрама словно в один миг сорвали маску. Уголки губ опустились вниз, глаза превратились в узкие холодные щелки. Изменился и голос – им, наверное, можно было резать металл:

– Вот что, господин Рикатс. Ни я, ни кто-либо еще в моем заведении не окажет тебе ни малейшей помощи ни в чем. Не считая еды и питья, разумеется.

Рикатс отвечать не спешил. Взял с блюда ломтик мяса, поднял над столом, посмотрел сквозь него на свет. Удовлетворенно хмыкнул и отправил в рот. Тщательно прожевал, запил пивом. Потом вдруг, не оборачиваясь, показал рукой себе за спину.

– Там сидит Мекит, более известный как Кинжал. Не так ли? Я не имел удовольствия быть с ним лично знакомым, но готов спорить на что угодно, что это именно он.

Сидящий в углу парнишка вежливо откашлялся.

– Будучи ребенком, – голосом, выражающим безмерное смирение, проговорил он, – я очень любил играть в ножички, и вот это глупое мальчишечье прозвище прилипло ко мне и никак...

– Конечно, – перебил его Рикатс, все также не поворачивая головы. – Эту любовь к игре ты пронес сквозь годы, неда-

ром кинжал и сейчас находится в твоём рукаве. Эту твою любовь уже не смогут засвидетельствовать семеро стражников, которым твой кинжал открыл путь в Тень Зодиака. Справедливости ради стоит сказать, что все они были сами виноваты – пытались поймать тебя с поличным, когда ты потрошил сокровищницы самых богатых купцов страны.

Снова повисла пауза. Рикатс пил пиво.

– Ты хочешь заставить меня платить старые долги, Рикатс? – неожиданно жестким голосом спросил Мекит.

– Конечно, нет! – Начальник Стражи непринужденно рассмехался. – Нет свидетелей – нет преступления. Меня не поняли бы собственные подчиненные. Но вот вчера... Тайник Берадира вынесли изумительно чисто, и я готов проглотить собственный шлем, если это не твоя работа, Кинжал.

– Ты меня там не видел! – Мекит старался в веселости не уступить оппоненту, но получалось плохо.

– А я скажу, что видел. – Рикатс пожал плечами. – И после того, как мои ребята поугovarивают тебя пару деньков, ты тоже вспомнишь, что я тебя там видел. А когда ты расскажешь, где добыча... расскажешь, Кинжал, расскажешь... у кого останутся сомнения в моих словах?

Назад Рикатс так и не посмотрел, и Фрам почувствовал невольное уважение к его смелости. Впрочем, было время, когда он в самом деле уважал этого человека.

– Чего ты хочешь, сволочь? – прошипел он сквозь зубы.

– Ну вот, наконец ты заговорил по-дружески! – осклабил-

ся Рикатс. – Садись, говорю.

Фрам не видел смысла продолжать упорствовать. Раз уж серьезного разговора не избежать... Рикатс не должен чувствовать себя хозяином положения. В конце концов, это он пришел за помощью. Устроившись напротив главы столичной Стражи, Горелый быстро оценил опустошение, нанесенное столу, и скороговоркой отдал служанке распоряжение.

Рикатс разговора все не начинал. Причина была понятна Фраму, да и Мекита знавшие его люди никогда дураком не считали. Опрокинув в рот последние капли вина, он легко поднялся из-за стола.

– Благодарю за гостеприимство, Фрам, – Мекит не глядя высыпал на стол несколько серебряных дзангов. – Всего наилучшего, господин Рикатс.

Тишина висела в воздухе те несколько секунд, что молодой вор шел до двери. Затем окрик Рикатса заставил Фрама вздрогнуть:

– Стой! Подойди сюда.

В голосе было слишком много власти, чтобы Мекит мог послушаться. На лбу Фрама проступили капельки пота. Не стоило себя обманывать насчет хозяина положения, здесь командовал Рикатс и только Рикатс.

Мекит приблизился медленно, словно к его ногам привязали тяжелые камни.

– Ты уже слышал и видел слишком много, – с сожалением, почти с грустью сказал Рикатс.

Фрам на время забыл о необходимости дышать. Против его воли глаза уставились на правую ладонь Мекита. О его быстроте говорили в самых восторженных тонах. В конце концов, он еще жив, в отличие от тех семерых стражников. Впрочем, Фрам знал, чего стоит внешняя медлительность Рикатса. Ему куда как чаще представлялся шанс отправиться в Тень Зодиака, чем этому мальчишке. Но он всегда уступал дорогу туда тем, кто считал себя быстрее его.

Помочь Кинжалу? Отвлечь, крикнуть, толкнуть... И упасть с проломленным черепом. Но не трусость в конечном итоге остановила Горелого. Любопытство. Откуда-то пришла уверенность: важно, невероятно важно узнать, что нужно от него Рикатсу.

А сам Рикатс словно не замечал звенящего напряжения вокруг. Вытирал жирные пальцы об объемистое брюхо, сытно отдувался и выглядел немного осоловевшим после двух выпитых кувшинов пива. На стоящего рядом Мекита почти и не смотрел, так, вполглаза. И, наверное, не видел, что пальцы его правой руки слегка подрагивают.

– А поэтому... – Пауза. Длинная, чудовищная пауза, от которой сердце чуть не выпрыгнуло из груди Фрама, словно кинжал в рукаве Мекита мог предназначаться ему. – Поэтому садись рядом и слушай тоже. Иначе пойдут слухи, а слухи распространяются с невероятной скоростью. И всей моей власти не хватит, чтобы их остановить.

– Что будет, когда я узнаю все? – с некоторым удивлени-

ем спросил Мекит, продолжая стоять. Но руки скрестил на груди, и Фрам наконец выдохнул.

– Когда ты узнаешь все, ты будешь молчать! – прошипел Рикатс с впервые прорезавшимся раздражением. – Не потому, что я так сказал – сам поймешь, что это необходимо.

– А если не пойму? – продолжал упорствовать Мекит.

– Если даже такой умный парень, как ты, не поймет, – голос Рикатса стал пустым и безжизненным. – Значит, я просто старый толстый осел. И никому не будет хуже, если я сдохну в самое ближайшее время.

– Убедил, – улыбнулся Кинжал и присел за краешек стола.

Словно по команде появилась служанка. Отсутствовала она явно более длительное время, чем требовалось для подготовки заказа. Осторожность, которая в данной ситуации равна мудрости. Кроме того, она сообразила прихватить пустую кружку и для Мекита. Девчонка нравилась Фраму все больше. В голову закралась мысль, а не стоит ли под старость лет украсить свой дом молодой, расторопной и не слишком глупой хозяйкой... Абсолютно неуместная мысль. Горелый повел плечами и ненужно ворчливым тоном приказал служанке закрыть таверну. После чего посмотрел в глаза Рикатсу:

– Говори.

На этот раз тот не стал тянуть время. Весь подобрался, лицо обрело жесткость. А выпитые им два кувшина пива... Наверное, это Фраму просто показалось.

– Что ты знаешь о Глазе, Горелый?

Вот так вопрос... Интересно, насколько издалека он зашел? Возможно, это только затравка разговора? В конце концов, все разговоры в последнее время так или иначе касались этого одноглазого атамана. И не мудрено...

– Мне кажется, – очень осторожно начал Фрам, – что вор по имени Бурдюк смог бы рассказать о своем бывшем лучшем друге гораздо больше меня.

Рикатс поморщился.

– Бурдюк... Бурдюк смог бы рассказать о совсем другом Глазе. О безродном бродяге, о самом рядовом воре, недалеком и несдержанном. А мне нужно знать про Глаза-полководца. Про атамана, завоевавшего уже десять Земель Зодиака и стоящего теперь на нашей границе. Тот Глаз, которого знал Бурдюк, с трудом мог управлять самим собой, не то, что самой большой армией, которую знал этот мир.

Фрам взял кувшин и разлил пиво по кружкам. Рикатс не сказал ничего нового для него. Он и сам частенько ломал голову над этой загадкой. Конечно, люди с годами могут меняться. Могут поумнеть. Могут открыть в себе неожиданные, ранее дремавшие таланты. Но не так же стремительно! Кроме того... Маленький щенок может вырасти в большую собаку. Но никогда ему не стать львом.

– Я не знаю, Рикатс, – просто сказал Фрам. – Я понимаю твое любопытство, но мне нечем тебе помочь.

– До вопроса о помощи я еще не дошел, – усмехнулся Ри-

катс. К своей кружке он пока не прикасался. – Я хочу поговорить с тобой о шатре Глаза.

Какое-то время Фрам молча смотрел на собеседника, словно пытаясь понять, о чем тот говорит.

– Об его шатре?

– Именно.

– Зачем, утопи меня Водолей, говорить о шатре?! Глаз прошел со своей армией почти все Земли. Естественно, ему нужен шатер! Не спать же под открытым небом, подобно обычному солдату!

Рикатс откинулся назад и неожиданно рассмеялся.

– Молодец, Глаз! Пусть умом не блистал, но хитрости ему не занимать. Понимает, хочешь спрятать что-либо – оставь у всех на виду. Никто и внимания не обратит.

– На что не обратит? – растерялся Горелый. – На шатер?

– На то, что в шатре! – Рикатс задрал указательный палец к потолку.

Может быть, он издевается? – подумал Фрам. Или умом тронулся...

– Да что может быть в шатре? – повысил он голос. – Спит он в нем, что же еще?

Начальник Стражи поочередно заглянул в глаза сначала Фраму, затем задумчиво молчащему Мекиту. Потом заговорил, понизив голос и нависнув над столом:

– Этот шатер никогда не складывают – Глаз приказал сделать специальную повозку, с которой его не снимают. Никто,

кроме Глаза, не заходит в его шатер, под угрозой смерти. Он старается как можно реже отдаляться от своего шатра. А когда все же приходится, оставляет двух вооруженных до зубов охранников у входа. И еще одного – лучника или пращника – чтобы следить за первыми двумя.

– Ну и что? – спросил Фрам. Впрочем, уже не так уверенно. – Мало ли...

– Однажды один из сторожей все же не выдержал, – продолжил Рикатс с прежним напором. – Тебе ли не знать, до чего порой доводит людей любопытство. И тут же упал со стрелой в спине. Глаз, вернувшись, рассвирепел неимоверно. И собственноручно зарезал и второго охранника, стоявшего у шатра. После чего приказал разрезать обоих на куски и сварить в вине.

– Это еще к чему? – Фрам поморщился.

– А... – Рикатс растянул улыбку до самых ушей. – Я совсем забыл упомянуть, парни были водолеями.

Вот теперь Фрама передернуло. Глаз и после смерти сумел жестоко оскорбить людей, никогда не притрагивающихся к вину. Теперь Горелый почти не сомневался, чутье не подвело Рикатса. Что-то с этим шатром действительно не так.

– Еще одно, – сказал Рикатс. – Глаз никогда не упускал возможности сграбастать девку подоступней. При сложившихся обстоятельствах, сам понимаешь, доступно ему многое. Но, повторяюсь, никто кроме Глаза никогда не входил в его шатер.

– Даже?... – Фрам удивленно вскинул брови.

– Никто!

– Ты прав, с этим шатром что-то не так.

Фрам рассеянно потянул пиво из кружки. Впрочем, рассеянность была только маской, скрывающей бурную работу мысли. Тут было о чем подумать...

– Скажи-ка, Рикатс, – медленно проговорил он. – Ты многое узнал о шатре Глаза...

– Кроме самого главного! – перебил Рикатс.

– Да. И все же. – Фрам не дал сбить себя с мысли. – Откуда тебе известны такие подробности? Ты рассказываешь так, словно видел все своими глазами.

– Почти своими, – спокойно сказал Рикатс. – Я отправлял в лагерь противника одного за другим шестерых парней... из числа лучших, разумеется. Двое сумели вернуться обратно.

Морщины на лице Фрама выделились еще резче. Гадать о судьбе остальных не приходилось – разве что о разновидности смерти, которая была им уготована. Да, они были стражниками, но они были скорпионами, и погибли за Землю скорпионов. Впрочем, Горелый и помыслить не мог осуждать Рикатса, посылавшего своих подчиненных навстречу смерти – потому что сам носил знак скорпиона на своем челе.

Его интересовал еще один вопрос. Пока один...

– Чтобы что-то найти, надо знать, где искать. Не так ли? Расскажи, почему ты так заинтересовался этим шатром?

Рикатс с улыбкой посмотрел на две пары глаз, выжидающе уставившихся на него. Мысленно он облегченно выдохнул и погладил себя по голове. Все идет как нельзя лучше. Похоже, он в самом деле сможет получить помощь. А ведь Михашир, его помощник, уверял, что он сошел с ума. Да что Михашир, Рикатс и сам был с этим почти согласен. Но выхода другого не было. Если дать событиям развиваться своим чередом, не пройдет и двух лун, как Земля скорпионов потонет под армадой Глаза.

Он должен узнать, в чем сила Глаза... А значит, и в чем его слабость.

Рикатс улыбнулся так открыто, как только мог.

– На твой вопрос так просто не ответишь, Горелый. Скажи, у тебя все еще подают куропаток в черносливе?

Глава вторая

Восточная граница Земли скорпионов, лагерь Объединенной армии. Накануне открытия Арисской ярмарки.

Нелепо думать, будто война касается только людей. Ее можно увидеть, услышать, почувствовать где угодно, стоит лишь не оставаться слепым, глухим и бесчувственным.

И пусть здесь, на еще недавно мирной границе, пока не горели города, не поднимались в воздух тучи стрел и не смешивались в безумной песне стоны людей и предсмертные хрипы лошадей, сама тишина дышала войной. Война просочилась в землю, растворилась в воздухе, наложила печать смерти на небо.

Даже горы, бессмертные как боги и мудрые как вечность, не остались безучастными, поддались, впитали в себя напряжение, страх и, утратив вековое спокойствие, злобно скалили свои ущелья.

У западного подножья гор раскинулся лагерь объединенной армии. Отсюда, сверху это было внушительное зрелище. На север и на юг, насколько хватало глаз – людское море. Солдаты у костров, обозы с продовольствием, палатки военачальников. Грозная сила, великая мощь.

Однако стоило спуститься и посмотреть на армию изнут-

ри, сомнения непременно закрадывались в душу. Когда у одного из костров звучала грубоватая, сальная шутка, ее, как и положено, встречали смехом — но смех затихал очень быстро, шутку не подхватывали и не разносили по лагерю. То там, то здесь вспыхивали ссоры, по любому поводу, а то и вовсе без всякого повода. Офицеры сбивались с ног, стремясь не допустить превращения таких искр в многочисленные очаги пожара, способного уничтожить эту странную, собранную наспех армию. Их свирепые окрики звучали над лагерем тем чаще, чем ближе был час решающей битвы. А ждать оставалось совсем недолго...

Даже сторонний наблюдатель, случайно оказавшийся на месте событий и не знающий ничего об идущей войне, сразу определил бы, что эта армия отнюдь не вела победоносное наступление. Похоже, большая часть солдат находилась в ожидании неминуемого конца. Дезертирство не превратилось в массовое явление только ценой невероятных усилий офицеров. Были известны — хотя и тщательно скрывались — случаи перехода на сторону неприятеля.

Большая часть армии представляла собой остатки отрядов, не так давно наголову разбитых Глазом. Их сумел объединить Рикатс, глава Стражи столицы Земли скорпионов, но особой признательности среди подчиненных за это не снискал. Скорее можно было сказать, что большая часть солдат успела его возненавидеть. Похоже, и он платил своей армии той же монетой. Впрочем, он был скорпионом, а этим

все сказано.

Помощник Рикатса Михашир всегда отличался честолобием, и бывало, мечтал когда-нибудь командовать армией. Но не сейчас и уж точно не такой. Хвала Скорпиону, его командование носило почти символический характер и должно продлиться не более двух дней – Рикатс уехал в столицу вчера на рассвете и должен вернуться этим вечером. Оставить на время своего отсутствия во главе армии не одного из одиннадцати генералов, а своего помощника – такое решение показалось Рикатсу вполне естественным. Но далеко не все разделяли это мнение.

Иногда Михаширу казалось, что Рикатс умышленно вызывает раздражение своими приказами, стараясь сплотить военачальников хотя бы против себя, раз уж не получается по-настоящему объединиться против врага. Врага, чья свирепая мощь сковала волю людей, которых никто не посмел бы назвать трусами. Или... Или же Рикатсу было попросту наплевать, какое впечатление он производит на подчиненных. Второе, пожалуй, ближе к истине.

Сейчас Михашир задумчиво стоял в самом узком месте ущелья, проходящего сквозь горную гряду и соединяющего Земли скорпионов и водолеев. Были иные места, чтобы перебраться через горы, но для переброски целой армии – нет; либо Глаз пройдет здесь, либо вовсе не сумеет пересечь границу. И в этом была единственная надежда обороняющихся.

С обеих сторон отвесные скалы, за которые Михашир не

устаивал возносить благодарности всем двенадцати богам. По левую руку текла река. Превращаясь засушливым летом в жалкий ручеек, а весной заполняя бурлящим потоком все ущелье, сейчас она была просто полоской воды в пять-шесть локтей шириной и не глубже чем по пояс.

На долю дороги оставалось здесь не больше дюжины локтей. Это уже создавало немалую проблему для наступающей армии, но Рикатс этим не удовлетворился. Мухашир одобритительно всматривался в рукотворный завал из камней, перекрывающий дорогу от правой скалы до самой кромки воды. Завал был сделан на совесть, высотой в три человеческих роста; с запада, со стороны обороняющихся он имел пологий склон, а с востока – крутой, едва не отвесный. Взобраться на него бандитам Глаза будет не под силу, а просачиваться узкой колонной по каменистому дну речки... что ж, при таком раскладе несколько дюжин хороших лучников вполне в состоянии остановить здесь целую армию. А хорошие лучники в армии были, ведь говорят, стрельцы рождаются с луком в руках. Не удовлетворившись обилием естественных укрытий в скалах, для них соорудили и несколько баррикад из камней.

Да, все это вселяло оптимизм, но не особо бурный. Мухашир искал за врага возможности форсирования ущелья и, увы, находил их.

К завалу можно пристроить некое подобие помоста. Несколько бревен в качестве опор, несколько досок... Ко-

нечно, строить придется под дождем из вражеских стрел, и большие потери будут неизбежны, но своим числом орда Глаза по меньшей мере не уступает армии Рикатса. А боевым духом намного превосходит, и этот дух только вырастет, когда преграда будет взята.

Можно попробовать разобрать завал. С теми же возражениями и, к сожалению, контраргументами. Если действовать под прикрытием больших деревянных щитов, потери, пожалуй, не будут такими уж неисчислимыми.

И, наконец, – этот вариант пришел в голову Миаширу только что – можно не разбирать завал, а напротив, довести его до противоположного края ущелья. В таком случае завал превратится в плотину, и тогда... Что будет тогда, Миашир и пытался себе представить. Любопытно, думал ли о таком возможном плане врага Рикатс?

В двух сотнях шагов, на неестественно ровной, словно срезанной исполинским ножом площадке у самой вершины горы расположились двое солдат. Раньше это было лишь удобным местом для привалов тех путников, что избрали более короткую, хотя и более сложную дорогу через горы. Подъем закончен, впереди спуск, и нет ничего естественнее остановиться, расслабить напряженные мышцы, вытянуть ноги, перекусить, а то и вовсе устроиться на ночлег.

Теперь же площадка стала стратегической высотой, ни больше, ни меньше. Великолепный вид открывается с востока – и дело вовсе не в прелестях пейзажей Земли водолеев.

Не сегодня, завтра пустынная степь заполнится бесчисленными ордами банды Глаза. И этот момент нельзя пропустить, кто предупрежден, тот вооружен.

Дозорные были плоть от плоти своей армии, и напряжение висело между ними, готовое в любой момент взорваться грозovým разрядом.

Ситуация усугублялась тем, что один из них – постарше, более высокий и жилистый – носил на лбу татуировку скорпиона, а второй был стрельцом. Странная пара воплощала в жизнь странный приказ Рикатса – любая группа дозорных должна набираться из разных Земель. Большая часть солдат и даже офицеров этот приказ считали простым самодурством; те, что поумнее, о причине догадывались, и эта причина им не нравилась.

Об этом сейчас и шел разговор между солдатами. Основную часть на себя взял рожденный в Земле стрельцов. Не то от природы любил поговорить, не то страх, неизбежный в любой войне, расцвел в нем чересчур пышно и выплескивался наружу щедрыми порциями.

– Нет, ты мне скажи, почему я не могу пойти в дозор со стрельцом? – бубнил он, даже не глядя на собеседника. – Скажи, а? Ты не подумай чего, я против скорпионов ничего не имею. Я не про то говорю, что ты плохой напарник. Но ведь тебе, наверное, тоже больше понравилось бы, если бы на моем месте был скорпион. Ведь так?

– Так, – легко согласился напарник. Какое-то время каза-

лось, что он скажет что-то еще, но этого не произошло.

Стрелец почувствовал поддержку. Он ошибался, но в этом ему придется убедиться чуть позже. Сейчас же, воодушевленный, он продолжил словоизлияние.

– Ну вот! И зачем такой приказ? Только вред один и больше ничего. Не приведи боги случись сейчас чего, что тогда? Мы же с тобой никогда в паре не работали. Будем не как команда действовать, а каждый за себя. А каждый за себя – это...

Мысль продолжить стрелец не смог, поэтому только грубокомысленно прицокнул языком и покачал головой. Судя по всему, он относился к той категории молодых солдат, что мнили себя непризнанными стратегами.

Скорпион промолчал. Он занимался тем, для чего и был послан на эту высоту – пристально всматривался в степь, лежащую на востоке. Пока все спокойно. До узкой полосы леса, за которым и раскинулся лагерь врага, не меньше парасанга. А это значит, есть гарантированный час мирной жизни... Не самая богатая гарантия, что ни говори.

– Наши офицеры тоже хороши, – не унимался стрелец. – Пока Рикатс укатил непонятно куда, могли бы на этот дурацкий приказ наплевать.

Скорпион посмотрел на напарника с насмешкой.

– Когда в армии начинают плевать на приказы, можешь считать, что армии больше нет.

– А сейчас она есть? – ехидно спросил стрелец.

Этот вопрос вызвал у скорпиона чувство досады. Ибо пу-
стозвон совершенно случайно попал в точку, в самое боль-
ное место. Нет армии. Есть много солдат, есть вдоволь ору-
жия. Армии нет. Разве пойдет телец умирать за скорпиона, а
водолей за овна? Они могут сражаться бок обок – хотя и это
уже само по себе плохо укладывается в голове – но единым
целым им не стать.

Хотя у Глаза – те же скорпионы, тельцы, водолеи. И вот
они – вместе, по-настоящему вместе. Потому что у них есть
общая цель – подчинить себе все Земли Зодиака. И тогда
от этого огромного пирога каждый получит свой кусочек. О
да, после этого дразги неизбежны, ибо, как бы ни был велик
пирог, кусок соседа всегда выглядит и больше, и вкуснее. Но
пока победа следует за победой, кого заботят эти вопросы?

А в армии Рикатса? Стрельцам нужна Земля стрельцов,
им нет никакого дела до остальных одиннадцати Земель.
Скорпионам? Да то же самое. Если бы вдруг Глаз решил
оставить свою родную Землю в покое, все скорпионы про-
сто-напросто разошлись бы по домам. Необходимость дер-
жит армию вместе, но это очень плохой клей. Одно неудач-
ное сражение – и армия затрещит по всем швам, второе – и
начнет разваливаться на куски.

Впрочем, у этой медали есть и обратная сторона. Од-
на-две победоносные акции – и совместно пролитая кровь
врага сплавит разрозненные отряды в единый организм.

Вот только с трудом верится в такой исход.

От раздражения скорпион стал более разговорчивым и вылил изрядную долю желчи и злости на голову стрельца.

– Ты хочешь знать, почему в дозор не отправили двух стрельцов? Я тебе объясню. Представь себе, что так все и случилось. Ты здесь вместе со своим братом-стрельцом. Сидите, наблюдаете... и вот видите приближающуюся армию врага. Что вы сделаете?

– Как что? – фыркнул стрелец. – Что и положено. Один из нас побежит в лагерь с донесением, а второй продолжит наблюдение. Столько, сколько это возможно. В том случае, если...

– Стой! Ты мне рассказываешь, что *положено* делать. А я спрашиваю, что бы вы сделали *на самом деле*.

И тон скорпиона, и произнесенные им слова были оскорбительны. Стрелец драки не хотел. В его планы входила беседа, позволяющая хоть частично избавиться от напряжения, взаимные жалобы на солдатскую долю, промывание косточек начальству... Возможно, легкая пикировка, не более.

– Почему бы нам не сделать то, что положено делать? – подчеркнуто дружелюбно спросил он, надеясь, что именно к легкой пикировке все и сведется.

– А откуда Рикатсу знать, что стрельцы на его стороне? Возможно, вы в союзе с Глазом и только и ждете подходящего случая, чтобы оказать своему господину хорошую услугу? А тут всего и делов-то – часок-другой ничего не делать, пока его войска не подойдут вплотную, чтобы застать нас врас-

плох.

Побелевший от гнева стрелец судорожно обхватил ладонью плечо лука. Отличное оружие, совершенней которого не придумано в мире... и такое бесполезное в данной ситуации. Что проку с того, что он на счет пять может уложить пять человек с расстояния в дюжину дюжин шагов? До оскорбившего его негодяя всего три шага, но тот вытащит один из своих жалких метательных ножей гораздо раньше, чем стрела успеет лечь на тетиву.

Что остается? Прыгнуть в его сторону, врезать кулаком по морде, стереть с губ эту гадкую ухмылку? Это будет по-мужски. И пусть тот зарежет его своим ножом, Двенадцать Теней будут рады приветствовать в своей обители столь храброго воина. При этой мысли по спине пробежал неприятный холодок.

Нет, мужчина – это не сопливый юнец, вспыхивающий подобно просмоленному факелу. Он сумеет сдержать свой гнев и ответит этому презренному скорпиону. Словами, которые, как всем известно, ранят сильнее любого оружия.

– Двум скорпионам я бы тоже не стал доверять! – гордо сказал стрелец. Достойный ответ! А что голос дрожит... так это от сдерживаемой ярости.

– Правильно, – спокойно согласился скорпион. – Вот Рикатс и не доверяет. Никому не доверяет. Поэтому я к тебе спиной не повернусь, и тебе, если ты не полный олух, советую так же поступать.

У стрельца на языке вертелись несколько острых слов относительно этого выскочки Рикатса, но он сказал себе, что сейчас для них не время.

– А если предателями окажутся и стрельцы, и скорпионы? – спросил он, сумев вложить в слова добрую долю сарказма.

– Тогда ничего не поделаешь, – скорпион пожал плечами. – Только, во-первых, шансов на это меньше, а во-вторых... Во-вторых, если в армии столько предателей, то на успех в любом случае рассчитывать не приходится.

– Предатели! – возмущенно фыркнул стрелец. – Да с чего Рикатс вообще придумал каких-то предателей?

Он очень вовремя придержал себя за язык, не дав сорваться словам о людях, привыкших судить по себе. Не из-за трусости, конечно же. Просто Рикатс – командующий всей армией, а значит, является командиром для каждого солдата, независимо от места рождения. Говорить подобные вещи о командире – это вопиющее нарушение субординации.

– А ты, парень, часом не дурак? – издевательски спросил скорпион.

– С чего бы это?! – стрелец вспылil.

– С того, что ты даже не пытаешься подумать. Сделай над собой усилие. Представь, что к вашему главному – как его там зовут? – пришел человек от Глаза.

Посмотрев на стиснутые зубы и побелевшие костяшки пальцев, сжимающих лук, скорпион сжалился.

– Ну ладно. Не к вашему. К командующему отрядами раков, допустим. Вы ведь недолюбливаете раков?

– Стрельцы находятся в дружеских отношениях с детьми всех двенадцати богов! – отчеканил стрелец.

– Ага, видал я такую дружбу... – подтрунил скорпион, впрочем, совсем беззлобно. – Так вот, говорит, значит, этот посланец Глаза главному раку: «А не хочешь ли ты, любезнейший, стать Сыном Рака?».

– Сын Рака мертв! – гневно выкрикнул стрелец, словно человек в сером панцире Стражи скорпионов и был тем самым коварным искусителем. – И не такой падали как Глаз решать, кто будет новым Сыном.

– Молодец! – скорпион одобрительно похлопал парня по плечу. – Красиво излагаешь, мне у тебя учиться и учиться. Не знаю, получилось бы у командира раков подобрать такие же высокие слова, но можно быть уверенным, по сути он ответил бы точно так же.

– Вот видишь...

– Ты подожди. Я ведь не закончил рассказывать, я, можно сказать, только начал. Как ты считаешь, стал бы Глаз посылать на такую важную миссию идиота, способного только задать один вопрос, выслушать единственно возможный ответ и вернуться назад? – скорпион сделал небольшую паузу, будто действительно ожидая ответа на свой вопрос. – Нет, конечно. Я могу примерно предположить и следующие его слова. О том, что сейчас-де на троне Сына Рака вовсе сидит

Нерожденный... Еще о том, что Земля раков может фактически вернуть себе прежнее свободное положение. С некоторыми оговорками, конечно. В общем, личную приманку забросить в самом начале, а потом напирать на общее благо всех раков. Прием старый... но действенный!

Стрелец засопел. Обладая по молодости лет живым воображением, он очень натурально представил себе картину подобного разговора.

– Да, но предательство!.. – попробовал еще возразить он.

– Фу, какое некрасивое слово! – скорпион презрительно сморщил горбатый нос. – Зачем им пользоваться, когда его можно успешно заменить другими, гораздо более приятными для уха. Пусть суть дела от этого и не изменится...

– Но тогда... тогда... – казалось, стрелец готов разрыдаться.

– Да перестань! – скорпион шутливо толкнул его в грудь. – Как ребенок, честное слово! Генералы ведь тоже не дураки... надеюсь. Как можно верить Глазу? Да и подлецами быть им, вроде, тоже по статусу не положено. Я лично надеюсь, что предателей среди них нет. Но Рикатса понимаю. Я бы на его месте тоже перестраховывался.

Помолчали.

– А Рикатс... – робко начал стрелец. – Я вот слышал, что он раньше был вором...

– Заткнись! – Таких свирепых интонаций в голосе скорпиона до этого мгновения не было. – Слышал – забудь. Услы-

шишь еще раз – прирежь того, от кого услышал. Или меня позови, я сделаю это за тебя и буду считать себя твоим должником. Понял?

– Понял, – смиренно отозвался стрелец, делая про себя отметку, что слух-то, оказывается, не пустой. А он не верил...

В этот момент у разговора было два пути. Он мог либо достичь апогея напряжения и взорваться кровопролитной дракой, либо прерваться, надолго, быть может, до самого конца дежурства. Но судьба неожиданно подбросила третий вариант развития событий.

Негромкий сухой стук катящихся камушков поставил в разговоре точку. Звук раздавался с восточной стороны и был очевидно близким – едва ли дальше двух дюжин шагов. Бывает, что камни сыплются в горах сами по себе, но чаще для этого есть причина. В виде неосторожного шага, например.

Спустя мгновение скорпион стоял у самого края площадки и всматривался вниз. И пусть глазами ничего не увидел, почувствовал, ощутил, понял...

– Туда! – крикнул он напарнику и сам подал пример, начав спускаться настолько стремительно, насколько это позволял крутой склон.

Этот возглас послужил сигналом не только стрельцу. Не видя больше смысла прятаться, из-за большого валуна выскочил человек, одетый в серые неприметные тряпки. Одно-го быстрого взгляда наверх ему вполне хватило, чтобы оценить ситуацию. Один против двоих, безоружный против во-

оруженных... Он кинулся бежать.

Либо беглец от природы обладал феноменальной ловкостью, либо просто был жителем гор, но расстояние между ним и погоней отнюдь не сокращалось. Скорпион грязно выругался, помянув тринадцатого бога, и на бегу выхватил с пояса один из ножей.

Бросок сделал бы честь любому мастеру метания, коим, впрочем, солдат и являлся – сверкнув в лучах восходящего солнца, нож прочертил пологую дугу и встретился с бедром беглеца. Увы, расстояние было слишком велико, клинок лишь добавил еще одну прореху на и без того изодранных штанах и обессилено упал, виновато лязгнув по камням.

– Стреляй! – скомандовал скорпион, останавливаясь. Бежать дальше не было резона. Как ни неприятно было признавать, сейчас все зависело от этого сопляка стрелца.

Тот, сделав по инерции еще три или четыре шага, остановился. Не пожалел времени, чтобы тверже встать на ногах. Суете не было места в его движениях, он сейчас делал то, что умел делать лучше всего на свете.

Раз – лук словно бы сам соскользнул с плеча, потянув за собой левую руку.

Два – правая рука с уже зажатой между пальцами стрелой легла на тетиву.

Три – тетива натянулась, лук чуть приподнялся и неспешно опустился, нацелившись на мишень, быстро удаляющуюся, но все равно абсолютно беспомощную.

Четыре – стрела просто исчезла с лука, озвучив свой полет торжествующим выдохом.

Беглец остановился сразу, словно ударившись о невидимую стену. Запрокинул голову, рукой, которая уже отказывалась слушаться, неуклюже попытался дотянуться до торчащей из спины стрелы. Застыл на какое-то время неподвижно, не желая соглашаться с собственной смертью. Но не смог переспорить костлявую и упал лицом вперед.

Скорпион перевел взгляд с убитого на стрельца. Глаза наполнились злостью.

– Ты что натворил, идиот!?

– Я? Стрелял... – пролепетал лучник, спокойная сосредоточенность на лице которого сменилась растерянностью.

– В ноги! В ноги... – только и сказал скорпион.

Махнув рукой, он побежал, было, вниз, но почти сразу же перешел на шаг. Спешить явно было некуда – стрела прошила беглеца почти насквозь.

К мертвецу подошли одновременно.

– Дезертир? – с робкой надеждой спросил стрелец. С дезертирами разговор короткий, это всем известно...

Скорпион ногой перевернул труп на спину. В грубом и простом лице убитого не было ничего примечательного – мужик примерно трех дюжин лет от роду, борода без усов по моде восточных Земель... А вот на лбу вместо тотемной татуировки длинный продольный шрам. Даже дети знают, что это означает.

– Ну, если ты видел в нашей армии Нерожденных, можешь считать его дезертиром, – с издевкой сказал скорпион и сплюнул на землю.

– Лазутчик... шпион, – прошептал стрелец то, что и так было понятно. – Интересно, он пробирался в наш лагерь или уже возвращался?

Скорпион, не тратя время на вопросы, присел на корточки и сноровисто пробежался руками по одежде убитого. Что-то, достойное упоминания, обнаружилось за пазухой.

– А вот и ответ на твой вопрос, – хмыкнул скорпион, осторожно разворачивая небольшой сверток папируса. Кроме пары строчек текста на нем имелся довольно толково изображенный план ущелья вместе с искусственно созданной преградой.

Глава третья

Город Арисса, восточная граница Земли тельцов, в нескольких парасангах на юг от лагеря Объединенной армии. Накануне открытия Арисской ярмарки.

Короткий злой свист – и в разные стороны брызнули щепки, выбитые из колеса бронзовым «клювом» на конце плети. Внутренне сжавшись, Сардар, тем не менее, продолжил путь, изо всех сил стараясь не показать, что зияющая в двух ладонях от пальцев свежая рана в деревянном ободе хоть чуточку испугала его. Кайсен – трус, яви слабиную – забьет до смерти.

– Эй, Жидкий! – загоготал надзиратель, изготавливая плеть для нового удара. – Как плеточка? Припас для тебя, сладенький.

В ответ Сардар послал мерзавцу презрительный взгляд.

– Сдохни, ублюдок...

– Гыыы! – Кайсен зашелся в ослином реве, заменяющем ему смех. – Я сегодня в настроении поиграть, Жидкий. Колесо большое. Сделаешь круг, и я повторю попытку. На этот раз удар придется на палец ближе к твоим клешням. Ты веришь мне, мразь?

Сардар лишь скрипнул зубами.

– А вы, свиньи, – возвысил голос Кайсен, обращаясь ко всем кандалникам, вращавшим в то утро колесо, – вы мне

верите? Эй, Хромец, – обратился он к калеке, налегавшему на рукоять перед Сардаром, – ты веришь, что я оттяпаю сегодня Жидкому клешни? Выпущу кровь из этой твари. Верней, воду. Ведь у них вода в жилах, ты знал это, Хромец?

Сардар зарычал. Великий Водолей, как он ненавидел эту скотину. А точнее, почти всех, с кем свела его судьба в этом занюханном городишке, в котором он, наивный человек, так недавно надеялся найти убежище от войны. Благая Прозрачность, от этой клички: «Жидкий», которой соседи наградили жителей Земли водолеев, злоба черной пеленой застила взгляд, и пальцы с такой силой впивались в рукоять, что, казалось, могли мять дерево, будто мягкую глину! Когда замкнется круг, и он снова поравняется с надзирателем – метнуться, вцепиться в эту щетинистую глотку, искалечить, разорвать голыми руками, сломать, как сухой сорняк... Ах, если б не кандалы!

Нет! Ублюдок только того и ждет. Одно резкое движение – накинута другая надсмотрщики, повалят, скрутят, и уж тогда... О да, тогда Кайсен точно забьет насмерть, бить лежачих он мастер. Нет, нужно успокоиться. Пока Кайсен играет в устрашение – ему нужно подыгрывать. Просто чтобы выиграть время. Шанс поквитаться придет, нужно только дожить до него...

Сардар зажмурился, пытаясь унять дыхание. Огромное, укрепленное горизонтально колесо, надрывно скрипя, медленно вращалось, толкаемое тремя дюжинами арестантов.

Шаг, еще шаг, еще... Подземелье, в котором разворачивалась сцена, было столь обширно, что факелы на стенах не могли осветить его целиком, и каждый заключенный на своем скорбном пути то серой тенью проходил сквозь оранжевое световое пятно, то исчезал в непроглядной тьме, за один день рождаясь и умирая тысячу раз.

– Живей, собаки! – окрик Кайсена поднял новую волну гнева в едва нащупавшей успокоение душе Сардара. – Эй, Жиденкий! Еще полкруга, и ты мой!

Свист плети потонул в жалобном вопле какого-то несчастного. Сардар бросил через плечо ненавидящий взгляд. Кайсен, – огненно-рыжий детина в пурпурной рубаше и таких же штанах, даже татуировка бычьей головы на лбу выкрашена охрой, – поднял руку, готовясь «угостить» очередную жертву. Остальные надзиратели – их было восемь – истуканами стояли у стен, безучастно взирая на остервенившегося товарища. Пальцы снова сжались. Убить... убить подонка!

– Кайсен лютует, – услышал Сардар за спиной хриплый выдох старика Кетира. – Небось, опять девка не дала...

– Он девок боится, – просипел шедший за Кетиром Горбун. – Он запал на нашего водолея. Ублажи его, Жидкий...

Последняя фраза всколыхнула короткую волну придушенных смешков, тотчас стихших.

– Заткнись, тварь...

Свист плети. Вскрик. Свист плети. Вскрик. Свист плети. Вскрик.

– Будьте вы все прокляты, – прошипел Сардар.

Кайсен появлялся в Водяном подземелье раз в неделю, чтобы, как он выражался, «поиграть». «Игра» заключалась в том, что в течение нескольких часов он измывался над узниками, качающими воду. Иного за такое самого заковали бы в кандалы: для крепости, стоящей на холме, вдали от рек, глубокая пещера, с ее подземным озером была единственным источником влаги. Иного, но не Кайсена. Он приходился двоюродным племянником самому Сыну Тельца. Дядюшка, хоть и сослал дураковатого племянника в эту глушь, к подножью Скорпионьих гор, однако наделил полномочиями Тельцова Ока, так что остановить его было просто некому. Только Пайса, местный лекарь, как говорили, не чуждый колдовства, открыто клял недоумка, грозясь наслать на него порчу.

Скрипело колесо, стонало натужно, замыкая круг. Свист плети – и на ободке забелела новая отметина, на пол-ладони ближе первой. Сардар сплюнул.

– Пол-ладони, сучонок, – прохрипел он. – Не палец, пол-ладони, криворукая обезьяна.

Ему одному было позволено так разговаривать с Кайсеном. Сомнительная привилегия, если точно знаешь, что расплатой за нее будет нескончаемо мучительная смерть.

Уже месяц, как ублюдок выбрал его своей главной «игрушкой». Целый месяц, с того самого дня, как Сардар попал сюда, и в первую же минуту знакомства преподал Кайсену

урок, от которого тот не может оправиться до сих пор. Месяц ненависти, густой, как ядовитое зелье, тягучей, почти осязаемой, месяц под ударами плетей... Тридцать дней, которые Сардар прожил лишь благодаря своей хитрости, и мраку, царившему в голове мучителя.

– Рука почти зажила, Водичка, – протянул Кайсен. – Я не хочу, чтобы боль мешала мне в полной мере насладиться задуманным. Теперь недолго. Но перед тем, как я начну тебя убивать, ты попросишь у меня прощения. Расстараешься меня разжалобить. Тогда может быть, убью поскорей, в награду. Я еще не решил...

Изо всех сил налегая на рукоять, Сардар миновал место, где стоял Кайсен.

– А может убью прямо сейчас! – крикнул Кайсен ему в спину. – С какой стати водолею топтать мою землю! Хороший водолей – мертвый водолей. Вы согласны со мной, скоты?

Последний возглас был обращен ко всем заключенным; в ответ донеслось нестройное мычанье.

Конечно, они были согласны, и не только потому что Сардар единственный из всех не боялся Кайсена. Все было куда проще: Сардар был единственным водолеем, а они принадлежали к другим племенам. Того, чьим покровителем является не их бог, жители Земель Зодиака могут либо ненавидеть, либо, в лучшем случае, терпеть. Двое из разных земель могут объединиться против третьего иноплеменника. Но не

более того.

– Смотри-ка, они подтягивают тебе, образина! – крикнул Сардар Кайсену.

– Хотят получить пропуск в первый ряд, когда я начну тебя убивать, – был ответ. – Это будет небывалое зрелище. И очень долгое.

Скрипело колесо, пот, стекая ручьями, оставлял дорожки на заскорузлых руках. Еще через круг плетъ все-таки нашла спину Сардара. Он зарычал, невольные слезы брызнули из глаз, подняв в душе жгучую волну бешенства. «Хвала богам, не по пальцам» – пронеслось в голове. – «Будет чем задушить эту тварь...»

Новый круг под монотонный скрип колеса. Начинают ныть ноги. Плетъ Кайсена свистит все реже, вскрики утихают, становятся глуше. Игра постепенно превращается в рутину: истязатель лишь делает вид, что люет, жертвы – радуются убавлению страданий.

– Здесь воняет падалью! – наконец громко возгласил Кайсен.

Это означало, что забава наскучила, и его зыбкий разум потребовал новых развлечений. Развернувшись на каблуках, племянник владыки, Око Тельца, исчез во тьме подземелья. Из глоток заключенных вырвался дружный вздох облегчения. Теперь до сигнала на обед останется лишь мерный скрип насоса, позвякивание кандалов, вонь, и изматывающее, отупляющее хождение по кругу, из света в тень, из све-

та в тень...

Это однообразное хождение хуже всего. Оно выпивает все соки, опустошает душу, выжигает мысли, превращая человека в скотину, бездумно бредущую под плетью погонщика. По кругу, так по кругу, вперед так вперед, куда угодно — лишь бы не били. Большинство из тех, кто попал сюда, в Водяное подземелье, давно уж превратились в двуногих мулов. Калек Хромец, что шел впереди, похоже, и вовсе забыл человеческую речь; во всяком случае, за месяц Сардар не услышал от него ни единого слова.

Нет, нужно думать. Думать, размышлять, строить планы... Нужно найти способ удрать из этой западни. О да, выбраться отсюда, выбраться целым, сохранив силы для мести. Сардару было кому отомстить в этом городе, и выродок Кайсен стоял в списке лишь на втором месте. С ним Сардар непременно разберется, но мстить Кайсену — все равно что мстить бешеной собаке. Есть кандидат поважнее, человек, одно лишь воспоминание о котором заставляло шипеть от ненависти, человек, по чьему навету он попал сюда. Вот эту ядовитую гадину Сардар раздавил бы с особым наслаждением...

Еще думы соскальзывали на прежнее его житье, во времена, когда в Земле стрельцов еще не поднялась черная орда, заповнившая ныне почти весь мир, и грозившая проглотить его целиком. Мирные времена... Лачуга на окраине далекой Иридианы, его труп — Бенир и Инша. Инша — тоненькая

и гибкая, как стебелек, поражала зевак тем, что вытворяла со своим телом самые невероятные вещи, чуть не в узел за-вязывалась. Бенир – силач, поднимавший одной рукой деревянный помост с дюжиной детишек на нем. И он, Сардар, жонглер, акробат и фокусник в одном лице.

Прикрыв глаза, Сардар представил лицо Инши. На душе сделалось горько и тепло, под створками век набухли слезы. Сардар сморгнул, и тотчас лицо Инши преобразилось, изменилось самую малость, и перед внутренним взором предстала та, другая, его здешняя подружка. Она звала себя Кайей, хотя юноше иногда казалось, что это не настоящее имя. Девчонка любила присочинить, и именно этим зацепила Сардара. А еще своей похожестью на Иншу, преданную им, и давным-давно потерянную...

Толчок в грудь. Сардар вскинул голову, выныривая из багрового омута мыслей, заозирался. Мерный ход прервался, колесо остановилось. Кандальники, поднимаясь на цыпочки, смотрели туда, где какое-то время назад со всеми вместе ковылял Хромец.

Несчастный калека бился в конвульсиях на каменном полу. Руки, прикованные короткими цепями к колесу, были задраны вверх, отчего казалось, что он силится подтянуться, подняться, выпрямиться, но какая-то сила заставляла его тело выгибаться и корчиться, сбивая с ног.

– Жидкий, отойди, дай посмотреть, – услышал Сардар за спиной.

Обернувшись, он увидел Кетира; тот тянул шею, пытаясь разглядеть Хромца. Он побагровел от напряжения, и вытатуированная на морщинистом лбу бычья голова покрылась испариной.

– Перебьешься, – буркнул Сардар.

– Ну будь человеком! – взмолился старик. – Хоть какое-то развлечение за весь проклятый день... Ну!

Сардар не успел ответить. Хромец вдруг захрипел, потом закричал, тонко, по-мышинному, а потом из его рта вырвалось несколько фраз, странными, пугающими фантомами повисших в воздухе:

– Кровь! Кровь на вас!.. Руки детей в крови!.. Спасенья... Спасенья не будет...

Он вновь зашелся хрипом, а потом смолк, обмяк тряпичной куклой, привешенной к колесу.

Глава четвертая

*Восточная граница Земли тельцов, город Арисса.
Накануне открытия Арисской ярмарки.*

Если выйти из южных ворот Цитадели, миновать оружейные мастерские и жилые кварталы, раскинувшиеся у рыночной площади, свернуть на восток и подняться на верхотуру Башни Тельца, можно увидеть во всей красе и город Ариссу, целиком, до последней улочки, и его окрестности: сам Арисский холм, огибающий его подножье пыльный тракт, уводящий далеко вглубь Скорпионьих гор, к Хлебному перевалу, а еще Арку, перекинутую от городской стены, и перегораживающую тракт в том месте, где он ныряет в ущелье, и крошечный форт на другой стороне. От этих видов захватывает дух, особенно по первости, когда, вскарабкавшись по бесконечной винтовой лестнице, оказываешься на огороженной резной решеткой из ганча крошечной крытой площадке, обрывающейся прямо в пропасть под городской стеной. И кажется, что забрался выше гор, выше облаков, почти постучался в чертоги к самим богам, и если в душе твоей есть хоть малая червоточина, яростный ветер, посланный небожителями, тотчас сбросит тебя вниз, на далекие острые скалы. Мало кто из оказавшихся на вершине башни впервые осмеливается задержаться здесь дольше нескольких мгновений.

Яссен, старый жрец, давно уж позабыл об этих ощущениях, хотя когда-то и сам сполна испытал их, оказавшись один на один с небом в первый раз. Вот уже много десятилетий он поднимался на Башню Тельца трижды в день – в рассветный час, в полдень и в час заката. Так завещал Телец пастырям своих стад: молитвой встречать и провожать светило, а в полдень, обращаясь к богу-покровителю, сообщать ему о прегрешениях народа, и приносить искупительные жертвы за нечестие людей.

Был полдень, припекало раннее осеннее солнце, еще не оставившее летних привычек, и его лучи, пробиваясь сквозь узорную решетку, ограждавшую комнату на вершине башни, яркими пятнами покрыли истертый деревянный пол. Если не приглядываться – настоящий ковер!

Яссен минуту как закончил ритуальное перечисление прегрешений горожан, и теперь собирался приступить к гаданиям. В корзине у его ног лежали короткие связки прутьев, собранных в полупарасанге от города на священной пустоши теми, кто заказывал гадания. К каждому пучку был привязан клочок папируса с именем заказчика – своеобразная весточка, обращенная к небесам и ожидавшая ответа божества. После каждого гадания жрец должен был записать предзнаменование на другой стороне и вернуть просителю. Почти прямая переписка с небом, при его, Яссена, скромном посредничестве.

Установив посреди пола треножник, увенчанный плоской

круглой жертвенной чашей в два локтя, жрец разложил в центре ее тлеющие угли, которые принес с собой в горшке. Потом, не глядя, запустил руку в корзину со связками прутьев. Он должен выбирать наудачу, это одна из составных частей таинства.

Корзина была заполнена где-то на треть, собственно, как обычно. Почти всех вопрошающих Яссен знал лично: вместе с гарнизоном в забытой богами Ариссе жило не больше пятисот человек. Правда, в последнее время – жрец поморщился – прибавилось еще несколько дюжин. В основном беженцы из других Земель, спасавшиеся от войны. Редкое отребье, надо сказать. Да еще к ярмарке прибывают купцы со всей округи, и с той стороны Скорпионьих гор. Но эти – ненадолго, ярмарка коротка, как осень в горах. Поторгуют, и разъедутся. А вот беженцы...

Яссен поймал себя на том, что уже целую минуту держит в руках первую связку, и все никак не приступит к делу, думая о проклятых чужеземцах. Старик досадливо тряхнул головой: гаданье не любит пустых мыслей, Телец не приемлет суеты. Нужно отринуть сиюминутное, сосредоточиться. Тем более, что, как ни крути, сегодня у него не самое обычное гадание, ведь в корзине лежала и его собственная связка прутьев, связка с прикрепленным к ней папирусом, на котором сегодня утром он нацарапал нетвердой рукой вопрос о судьбе своей дочери.

Нетвердой рукой... Губы Яссена тронула грустная улыбка.

ка. С недавних пор его здоровье стало волновать его помощников куда больше, чем тайны жреческого служения. Пусть стан остался крепок, и ноги носят почти так же легко, как в молодости, – что проку, если зрение и память подводят все чаще и чаще. Давеча утром глянул на себя в зеркало – и не узнал собственное отражение, так плыло в глазах. Лишь по приметам догадался: белое пятно сверху – копна седых волос, белая полоса ниже – пышные седые усы. Милосердный Телец, как он перепугался тогда! Хорошо, дочка оказалась рядом, успокоила, и приступ прошел как будто сам собой...

Мысль о дочери наполнила сердце беспокойством. С ней стало трудно в последнее время, она слишком часто стала покидать отца, пропадать подолгу. А те свиданья!.. Благой Телец, сейчас нельзя даже думать о том, что он видел тогда. Такой грех! Такой срам! Никакого сладу. Что будет дальше? Давно, давно следовало погадать и для себя.

Итак...

Первой просительницей оказалась старуха Шималь, торговка овощами. Ясен печально покачал головой. Вот уже почти десять лет безутешная мамаша задавала один и тот же вопрос: когда выйдет замуж ее единственная дочь, толстуха Фола. «Никогда» – без всякого гадания ответил бы любой горожанин. Несчастная Фола была редкой уродиной, и к тому же славилась стервозным характером. Кому приглянется такое сокровище. Но просьба к небесам есть просьба к небесам, он должен ее передать. Привычным движени-

ем распутав бечеву, которой были скреплены прутья, Яссен приступил к гаданию. Через минуту ответ небес был получен, очевидный и простой: никогда. Разве что на этот раз тлеющие прутья образовали на дне чаши узор, не допускавший ни малейшей неоднозначности в истолковании. НИКОГДА. «Странно», – подумал жрец. – «Обычно послания бога невнятны, расплывчаты, требуют разъяснений... А тут – ответ краткий и четкий, как удар меча. До чего же причудливо легли прутья. Уж сколько лет гадаю, никогда такого не видел. Бедняжка Фола, теперь уж точно не видать ей замужества».

Ссыпав в урну пепел, жрец вытащил из корзины следующую связку. На этот раз вопрошал Тельца купец по имени Кишан. Яссен хорошо знал его, он поставлял бронзу городским ремесленникам, а также и Яссену для храмовых нужд. Кишан и сам чем-то напоминал свой товар и внешне и внутренне: кожа его была темна, нрав – жесток, а язык – остер, как лезвие жертвенного кинжала. Он редко обращался с расспросами к небесам, и, стало быть, Кишану предстояло заключить большую сделку, раз его связка оказалась в корзине.

«Так и есть», – подумал Яссен, прочтя записку. – «Спрашивает, пойдет ли торговля в ближайший месяц».

Для Кишана вопрос странный, хотя... Война надвигается... Вздохнув, жрец развязал бечеву.

Ответ удивил Яссена куда сильнее, чем вопрос купца. Узор из прутьев вновь сложился в послание столь недвусмысленное, что, казалось, автором его были не буйные вет-

ры судеб, подвластные лишь богам, а какой-нибудь писец из канцелярии Сына Тельца. По всему выходило, что на ярмарке Кишан не продаст ни пуда. Жрец озадаченно уставился на разбросанные по дну чаши тлеющие веточки. Как же так? Кишан из тех, кто способен обогатиться, продавая камни в горах. А уж не сбыть ни пуда бронзы в ярмарочную неделю? Телец свидетель: Яссен сам собирался закупиться у него, и заказать у кузнеца новый, более пышный треножник. И гадальную чашу, если начальник гарнизона пожертвует обещанную накануне сумму. Странно... Что ж, надо будет посоветовать Кишану принести щедрую жертву Тельцу. Видать, нагрешил, купчина.

Качая головой, Яссен черкнул несколько строк в папирусе, и снова опустил руку в корзину.

О, вот теперь ответ небес точно порадует. Кейше, лучшая в округе сваха, хотела знать, удачно ли пройдет помолвка сына смотрителя городских амбаров и дочери начальника гарнизона. Ха! О намечающейся свадьбе уже несколько месяцев судачил весь город, и все нищие в округе заранее исходили слюной, предвкушая праздничную обжираловку. Молодые души не чаяли друг в друге, их семьи давно мечтали породниться, и причина заминки крылась лишь в многочисленных обычаях, которые необходимо было соблюсти. Такой важный шаг, как женитьба, требует неспешного, основательного подхода, от рожденья присущего тельцам. Гадание Кейше было одним из многочисленных ритуалов подготовки к

свадьбе. По сути, пустая формальность с заранее предопределенным результатом, ведь ритуальный вопрос был сформулирован так, что практически любой исход гадания давал положительный ответ на него. Боги хитры, но люди еще хитрее. По сути, можно было сразу написать на папирусе ответ, и бросить прутики, не развязывая, в урну; так поступало, – старик прекрасно знал это, – большинство жрецов.

Но Яссен не принадлежал к этому большинству. Он слишком любил Тельца, и слишком серьезно относился к своим обязанностям, чтобы хоть на полшага отступить от правил. Развязав бечеву, жрец приложил прутики к углям, тлеющим в центре чаши, а затем, прочтя вслух вопрос свахи, подбросил невысоко, так, чтобы занявшиеся веточки не разлетелись за пределы бронзового круга. Короткий причудливый танец огоньков – и вот уже воля божества доступна для толкований. Вот только...

Разобрав ответ, старый Яссен почувствовал, как волосы зашевелились на загривке, а по спине пробежал озноб. На мгновение ему показалось, что там, на дне чаши, не тлеющие прутики, а голые человеческие кости, из которых свой страшный узор сложила сама неумолимая Судьба.

Предстояло заполнить папирус, но дрожащие пальцы не могли удержать стило. Да и что писать? Как написать, что свадьбы не будет, ибо обоих молодоженов в скором времени ждет смерть? Кто в это поверит? И что может стать причиной? Война? Но вражеские орды застряли у границы Зе-

мель скорпионов и водолеев, и неизвестно, сколько еще пробудут там. Конечно, это совсем рядом, но даже если их атаман вздумает двинуться в Землю тельцов, то станет ли задерживаться у такой дыры, как Арисса? Тогда что? Моровое поветрие? Здесь их не бывает; причиной тому – целебная вода, добываемая из недр холма. Но тогда... Что? Беженцы? Святая ярость! В точку! От этого отребья чего угодно можно ждать. Гнать, гнать нечестивцев из города!..

Багровая волна затуманила взор, и Яссену пришлось приложить огромные усилия, чтобы унять пожирающее душу пламя.

– Спокойно, спокойно, старик, – уговаривал он сам себя, будто малого дитя. – Телец – да славится он выше всех богов! – не любит суеты. Закончи дело, а завтра, в храме, почти такую проповедь, чтоб горожане сами обрушили свой гнев на головы пришельцев! Главное – успокойся.

Но как ни старался Яссен, полностью восстановить душевное равновесие так и не смог. Странные предзнаменования не давали покоя. Решив пока ничего не писать в папирусе Кейше, выудил из корзины сразу охапку связок. Привычная работа, доведенные до автоматизма движения (Зажечь, подбросить, прочесть. Зажечь, подбросить, прочесть. Зажечь, подбросить, прочесть...), и, неизвестно откуда взявшаяся, из давешних ли гаданий, или из смутных предчувствий, гнездившихся где-то в темных глубинах души, мрачная уверенность в том, что сегодня не будет ни одного доброго пред-

знаменования.

Смерть. Рана. Увечье. Разлука. Разорение. Смерть... Смерть... Смерть...

Четверть часа спустя старик понял, что не в силах продолжать. Дрожащими руками подтянул стоявший неподалеку табурет, и рухнул на него. Великие боги, что за беда надвигается на городок? Что вообще здесь может приключиться, кроме пары пьяных драк на ярмарку? Откуда весь этот ужас, эти предсказания катастроф, увечий, смертей, смертей, смертей?.. И, самое страшное, – откуда эта определенность? Гадание – вещь эфемерная, туманная, допускающая сотни толкований, разобраться в которых способен далеко не всякий. А здесь... За многие десятилетия, что Яссен гадал людям, он ни разу не получал столь явных, столь недвусмысленных, столь неотвратимых предзнаменований.

Прошло довольно много времени, а он все сидел, не в силах пошевелиться. Снизу, из черного провала лестницы, слышались шаркающие шаги, будто по ступеням ковылял столетний дед. Стало быть, пришло время появиться Носачу – двадцатидвухлетнему служке, у которого вечно не хватало денег на новую обувь, сколько ему ни плати. Через минуту широкая улыбчивая физиономия юнца осветила комнату бесчисленными прыщами.

– Тебе плохо, почтенный? – спросил парень, почти не скрывая своего щенячьего превосходства над старым барбосом.

– Слишком много вопрошающих сегодня, – раздраженно бросил Яссен. – Не уложился в положенное время...

А что еще он мог сказать? Юному олуху абсолютно незачем знать, что за жребий уготовила городу Судьба. Поверит – перепугается. А не поверит – того хуже, разнесет слух, что почтенный жрец рехнулся на старости лет.

– Слишком много народу, – повторил Яссен.

– Но боголюбивый... – наклонившись, Носец заглянул в корзину, и старик невольно последовал его примеру. – Осталась всего одна...

– Не твое дело!!! – будто со стороны услышал Яссен свой визгливый крик. Боги! Он вопит как баба, как испуганная торговка!

Носач попятился, удивленно таращась на наставника.

– Прошу прощения, хозяин... Я...

Но Яссен не слушал. Не отрывая глаз, не мигая, он смотрел на эту последнюю гадательную связку на дне корзины. Еще сегодня утром, затемно, он вернулся со священного луга, и принес в котомке свежесрезанные стебельки. Задолго до зари, при свете масляной лампы, он, думая о дочери, написал на клочке папируса свой вопрос, привязал к связке, и не глядя бросил в корзину, к двум дюжинам таких же, накопившихся за вчерашний день. Еще сегодня утром он лелеял надежду на утешение, на благополучный исход событий, которые так мучали его в последние недели.

И вот, после всего, что случилось сегодня, после того как

надежды стольких людей обернулись угрозами, обещаниями мук, катастроф и смертей, его гадательная связка вернулась к нему.

– Забери корзину, Носач, – одними губами прошелестел старик. – Просто унеси.

Глава пятая

Скваманда, столица Земли скорпионов. Накануне открытия Арисской ярмарки.

– Ты прав, Фрам, Бурдюк и Глаз были не разлей вода. – Рикатс в ожидании горячего попивал пиво маленькими глотками. – Работали вместе, отдыхали вместе. Делили последний дзанг, когда капризная удача долгое время не показывала им ничего, кроме своей тощей задницы. Наверное, так продолжалось бы и до сих пор, не повстречай они одного Непосвященного.

При этом слове лица Мекита и Фрама тронула презрительная гримаса. Те, кого боги Зодиака не осенили своим покровительством, не заслуживают и плевок в их сторону.

– Да, Непосвященного... – повторил Рикатс, словно споря сам с собой. – Нелепый такой старикан, что-то вроде философа. Этот варвар избежал уготованной ему участи, сказав, что знает, где находится Зеркало богов. Возможно, вы слышали эту историю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.